

МАРКСИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ

Сперанский Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор; заведующий сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия. E-mail: avspersky@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние марксистской методологии на историческую науку. Показано, что в период существования в России «государства рабочих и крестьян» формационная теория господствовала в советской историографии и имела непоколебимый приоритет в объяснении механизмов развития исторического процесса. После крушения «коммунистической империи» марксизм лишился монополии на истину не выдержав в первую очередь политических и идеологических ударов. Однако, делается вывод о том, что в силу своей научной обоснованности, способности к творческому развитию и склонности к диалогу с другими концепциями, он остался в методологическом поле осмысления истории, находясь в первом ряду доминирующих макротеорий.

Ключевые слова: история, методология, историческая наука, формационная теория, социально-экономический детерминизм, ортодоксальность, инвентаризация, многоконцептуальность, макротеория.

MARXISM IN THE MODERN SYSTEM OF CONCEPTUAL UNDERSTANDING OF HISTORY

Speranskiy Andrey V., Doctor of Sciences (History), Professor; Head at the Department of political and socio-cultural history, Institute of the History and Archaeology, Ural Branch of RAS. Yekaterinburg, Russia

Abstract. The paper analyses influence of the Marxist methodology on historical researches. The paper shows that during existence of the “state of workers and peasants” in Russia the formation theory prevailed in Soviet historiography and had an unshakable priority in explaining mechanisms of development of the historical process. After collapse of the “communist empire”, Marxism lost its monopoly on the truth, unable to withstand primarily political and ideological attacks. However, the author of paper concludes that due to its scientific validity, ability for creative development and propensity to dialogue with other concepts, Marxism remained in the methodological field of understanding of history, being in the first row of the dominant macro-theories.

Keywords: history, methodology, historical researches, formational theory, socio-economic determinism, orthodoxy, inventory, multi-conceptualism, macro-theory.

С приходом в 1917 г. к власти большевиков, базирувавшихся в своей практической деятельности на марксистской теории, российский социум более чем на семьдесят лет оказался в полной зависимости от этих воззрений, ставших непререкаемой доминантой практически во всех сферах человеческой деятельности. Экономические, политические, идеологические, социальные, философские постулаты, высказанные К. Марксом, считались в первом в мире «государстве рабочих и крестьян» истиной в последней инстанции, аксиомой не требующей доказательств. Естественно, что и историческая наука советской державы ограничивалась «прокрустовым ложем» историко-материалистического подхода, при помощи которого анализировались общественные отношения, связанные с формами собственности, не выходя за рамки социально-экономического детерминизма.

В начале 1990-х гг. «коммунистическая империя», казавшаяся незыблемой, рухнула, увлекая след за собой в бездну политического небытия и самое «верное и прогрессивное» учение. Фиаско марксизма в целом не могло не отразиться и на его важнейших составляющих. В частности, утратила свою фундаментальную основу и советская историческая наука. Марксистская

методология, господствовавшая в историографии советского периода, потеряла приоритет, не выдержав, главным образом политических и идеологических ударов. Возникший вакуум стал быстро наполняться различными концепциями и моделями как давно устаревшими и отвергнутыми наукой, так и претендующими на модерн. В итоге в методологическом поле исторических исследований сформировался «российский феномен», выразившийся в замене тоталитарной методологии «концептуальной анархией» [7, с. 8, 9].

Сущностью этого методологического хаоса стало то, что, в отличие от западной науки, последовательно меняющей концепции друг за другом, в исторической науке России, утратившей название «советская», стали одновременно функционировать и конкурировать между собой десятки научных и псевдонаучных вариаций. Российские историки отнеслись к этому концептуальному синдрому неоднозначно. Эмпирики – довольно спокойно, как к очередной мало, что дающей схоластике. Теоретики – с опаской, объявив кризис в отечественной методологии. При этом одна часть из них заявила о всеобъемлющем кризисе, приведшем отечественную методологию истории к полному краху, другая – о его частичном проявлении, поразившем

лишь только те отрасли истории, которые были напрямую связаны с государственной политикой, потерявших власть коммунистов [5, с. 104].

Возникновение концептуального многообразия, обозначившего наличие методологического кризиса, требовало поиска выхода из создавшегося положения. Поэтому в конце XX – начале XXI в. предпринимаются попытки по оценке действующих исторических концепций для установления хоть какого-то порядка на «методологической кухне». Концептуально-историографическая инвентаризация наглядно продемонстрировала утрату формационной теорией ранее непоколебимого приоритета в объяснении механизмов развития мирового исторического процесса. Одновременно она зафиксировала прочное закрепление в методологическом пространстве идеи многоконцептуальности, позволяющей применение самого разнообразного научно-творческого инструментария.

Кроме того, проведенная систематизация имеющихся схем, моделей и концепций явственно показала, что в ходе естественного отбора, произошедшего в этот период, наибольшую жизнеспособность, основанную на логике аргументирования и достоверности источниковой базы, проявили три макротеории, теоретически близкие друг другу.

Действенные методы «постижения истории» предъявила цивилизационная доктрина. Представляясь первоначально в постсоветской исторической науке в виде некоей эклектичной альтернативы марксизму, она затем логично вписалась в традицию локально-исторического восприятия мировой и российской истории. Серьезное воздействие на осмысление исторического процесса стала оказывать модернизационная версия эволюции человеческого общества, довольно удачно синтезировавшая наиболее приемлемые теоретические выкладки цивилизационного и формационного подходов. По причине глубокой научной проработанности и обоснованности, несмотря на утрату монополии на истину, сохранил место в методологическом поле истории и марксизм.

Следует отметить, что названные концепции выходят за пределы только исторического осмысления человеческой эволюции. Поэтому, находясь, помимо историков, в поле зрения представителей других гуманитарных наук (философов, политологов, социологов, правоведов и т.п.) могут, не без оснований, претендовать на роль метатеорий [11, с. 154].

Возвращаясь к основному предмету нашего повествования – марксистскому (формационному) взгляду, подчеркнем, что он перестал играть определяющую роль в методологии отечественной истории уже в конце 1980 – начале 1990-х гг., подвергнувшись критическому «обстрелу» по всем ключевым составляющим, таким как экономический детерминизм, линейный прогрессизм и формационный редукционизм. В результате, попавшие под сомнение приоритет экономического фактора в процессе эволюции человеческого социума, идея его перманентного прогресса и примитивное восприятие «пятичленной» формационной схемы как непререкаемой модели мировой истории, перестали быть основой осмысления исторического процесса.

И все же оказавшись под прессингом современных политических и идеологических реалий, марксизм

остался одной из ведущих концепций в методологическом поле российской истории. Начиная со второй половины 1990-х гг. резкое неприятие формационных представлений, базировавшееся, в первую очередь, на политической конъюнктуре, постепенно нивелировалось и в ученом мире возобладал рационализм, направленный на применение действующих выводов марксизма при анализе отечественной истории и конструировании новых моделей ее научного восприятия.

Конечно, здравомыслящие историки должны признать, что ортодоксально-официальный марксизм, господствовавший в советской исторической науке, максимально сдерживал многоконцептуальное осмысление противоречивого процесса русской истории и низводил его понимание до вульгарной редукции. Однако при этом не следует отрицать и то, что марксистская методология позволяла обнаруживать главные тенденции и закономерности сложного и противоречивого процесса мировой истории.

Признавая противоречивость марксистского воздействия на реконструкцию исторической картины мира, обратим внимание и на то, что марксизм, как методология истории, никогда не являлся единым монолитом. Он всегда состоял из различных течений научной мысли, имеющих как сходство, так и специфику. В связи с этим, нам представляется возможным выделение западного, советского официального и советского творческого марксизма, дающее возможность выявить не только слабые, но и сильные стороны не популярной сегодня методологии, сдавшей свои позиции в России не столько вследствие проигранной научной конкуренции, сколько в результате беспрецедентного политического и идеологического прессинга.

Представляется, что именно это стало одной из главных причин объясняющих стремление большинства ныне активно действующих российских историков дистанцироваться от марксистской методологии, хотя «уши» формационного подхода явственно прослеживаются в их современных концептуальных моделях, претендующих на инновационность и сопоставимость с лучшими достижениями мировой науки.

Стоит напомнить, что марксизм никогда не являлся и не является изгоем на Западе. Корифеи западной исторической науки, известные в нашей стране, всегда уважительно относились к нему, как к одной из хорошо обоснованных разновидностей исторической методологии. Так, крупный английский историограф Дж. Иггер среди всех концепций, имеющихся в мировом методологическом поле, назвал марксизм в тройке лидеров, наряду со структуриализмом и методологией квантификации [17, с. 24, 26]. Высокую оценку методологическим возможностям формационного подхода всегда давали М. Блок, Ф. Бродель, М. Вебер и др. Значительное число знаменитых западных исследователей, таких как И. Валлерстайн, Э. Томпсон, Э. Хобсбаум и др., были и остаются адептами марксистской методологии.

Марксизм значительно укрепляет свои методологические позиции на Западе с середины XX в. как альтернатива релятивизму и субъективизму, господствовавшим в историческом познании. На волне этого «ренессанса» исторические школы, базирующие свою исследовательскую деятельность на марксистских постулатах достаточно уверенно заявили о себе в таких

странах как США, Англия, Франция и Италия. Конечно, эта реанимация формационного понимания мировой истории не являлась механическим возрождением ранее отвергнутых доктрин. Она представляла собой их модификацию на основе синтеза с теоретико-методологическими воззрениями, оформившимися вне пределов марксистской методологии.

Очень рельефно в трудах современных западных марксистов проявляются теоретические взгляды французской «школы Анналов». Они с известной долей успеха используют междисциплинарный подход, применяют принцип «тотальной истории», акцентируют внимание на явлениях ментальности и роли человеческого фактора в развитии исторических процессов. Это взаимопроникновение четко прослеживается в трудах английских историков-марксистов А. Мортон, Дж. Рюде, Э. Томпсона, К. Хилла, Р. Хилтона, Э. Хобсбоума и др., организовавших журнал «Паст энд Презент», ставший популярным в научной исторической среде не менее знаменитых французских «Анналов» [21, с. 154, 155, 158].

В Советском Союзе, при господстве тоталитарной коммунистической идеологии, историческая наука не могла развиваться вне воздействия на нее марксистской методологии. Большинство ученых, кто искренне, кто под воздействием политической конъюнктуры разделяли идеологемы официального марксизма, добровольно выбрав платформу догматизма, линейного прогрессизма и формационного редукционизма. Вне всякого сомнения, ортодоксы, пользуясь поддержкой политического режима, следовали в фарватере его «генеральной линии». При необходимости, по команде сверху, они обрушивались на ревизионизм как западных, так и своих чересчур «самостоятельных» и «непопулярных» коллег.

Однако стенования советских ортодоксов практически не влияли на мировоззрение западных марксистов, активно взаимодействовавших с другими направлениями исторической мысли. Более того, ростки инновационного осмысления марксизма стали постепенно проявляться и внутри советской исторической школы. Значительный вклад в современное понимание отечественной истории внесли методологические исследования, проведенные сектором методологии истории Института истории АН СССР. С 1964 по 1969 гг. творческий коллектив этого научного подразделения, руководимый М.Я. Гефтером, успел опубликовать целый ряд интересных и неординарных по тем временам работ. Однако заявления о «новом прочтении» марксизма и критика методологии «мобилизации цитат классиков марксизма-ленинизма» при написании исторических трудов, вызвали недовольство руководства, безжалостно упразднившего «мятежный» сектор [3].

Творческим осмыслением марксистской методологии истории были теоретические изыскания А.Я. Гуревича, позволившие ученому усомниться в научной эффективности автоматического приложения основных постулатов марксизма к историческому многообразию [2; 23]. Неожиданные заявления А.Я. Гуревича, идущие в разрез с доминирующей методологией, породили дискуссионную волну, обрушившуюся на безраздельное господство вульгарного детерминизма и подтолкнувшую ученых-гуманитариев к более пристальному

изучению и пониманию категорий исторической «закономерности», «вероятности» и «случайности». Эта работа, продолженная в постсоветский период, во многом способствовала обоснованию теории альтернатив исторического развития России [1].

Бастионы «догматического марксизма» исподволь расшатывались и жаркими спорами об азиатском способе производства, часто нарушавшими границы формационного мышления и порождавшими критические высказывания в адрес примитивного «пятичленного» понимания мирового исторического процесса. Особенно ярко проявлялась неспособность историков при помощи традиционных марксистских канонов объяснить многообразие и противоречивость путей развития стран «третьего мира». Это приводило к попыткам использования методологического инструментария других теорий, в частности концепции цивилизационного осмысления истории человечества.

Так, вышедшая в 1986 г., монография И.К. Пантина, Е.Г. Плимака и В.Г. Хороса «Революционная традиция в России», стала первой попыткой использования методологического инструментария, созданного для описания истории так называемых «развивающихся стран», применительно к России. Именно в этом исследовании Россия, согласно цивилизационным представлениям, была впервые отнесена к странам «второго эшелона развития капитализма» [9].

Выводы дискуссий о смене общественно-экономических формаций и месте азиатского способа производства в развитии человеческого общества были использованы Н.А. Симония для характеристики так называемого «советского периода» в отечественной истории [20]. В научных кругах была поддержана критика Б.Ф. Поршневым «истории одной страны», способствовавшая началу научного изучения истории России в тесном взаимодействии с мировыми трансформациями. Достаточно популярными среди историков-методологов стали призывы «гуманизировать» и «психологизировать» концепцию К. Маркса, активно использовать его ранние произведения для глубокого изучения психологии различных социальных групп, действовавших в разные периоды истории человечества.

Вышеизложенное показывает, что марксистская методология осмысления истории не стояла на месте даже в условиях полного доминирования в советской исторической науке официально-догматических суждений. Поэтому не удивительно, что она, утратив монополию на истину, осталась в методологическом поле современной истории, основываясь теперь не на догмах потерявшего силу официоза, а на творческом развитии своих теоретических положений.

Конечно большинство крупных российских исследователей продолжают дистанцироваться от объявленной ранее «единственно верной» теории. Однако идеологические штампы и политические ярлыки, навешанные на нее в годы «безудержной демократизации» перестают действовать, и пока в завуалированной форме марксизм вновь начинает проявляться в современной российской историографии. Изложение марксизма на основе новой терминологии характерно, на наш взгляд, для постсоветских произведений известного историка и философа Ю.И. Семенова. В работе «Россия: что с ней случилось в двадцатом веке» он, опираясь

на марксистскую концепцию об азиатском способе производства и исследования феномена восточного деспотизма, используя идеи Л.Д. Троцкого, М. Джиласа, М.С. Восленского о бюрократическом перерождении реального социализма, мысли П. Сорокина, Н. Бердяева о классовом расслоении, эксплуатации и угнетении, характерном для социализма, попытался объяснить историю и крах советского коммунизма.

Построенная Ю.И. Семеновым историческая конструкция, опирается на взгляды итальянца Б. Рицци, который, будучи приверженцем марксистской теории, тем не менее, попытался обосновать ряд положений, выходящих за ее пределы. В частности основой социалистических обществ итальянский марксист видит некий антагонистический («политарный») способ производства, базирующийся на общеклассовой частной собственности, при которой класс эксплуататоров совпадает с ядром государственного аппарата. При этом способе производства, господствующий класс («политаристы») в лице государственных чиновников владеют средствами производства и используют, созданную ими же политосистему, возглавляемую политархом, для укрепления своих позиций во всех сферах государственного развития. Принимая концепцию Б. Рицци, Ю.И. Семенов считает, что именно такая система была сформирована на территории Советского Союза в 1920–1930-е гг. [18].

На наш взгляд, с позиций марксистской методологии осуществлены исследования В.З. Роговина. Пытаясь раскрыть феномен сталинизма, автор в своих трудах активно использует альтернативный марксизм Л.Д. Троцкого, базировавшийся на идеях бюрократической эволюции сталинизма и перерождении реального социализма [13–16]. Тенденция к совершенствованию марксизма прослеживается и в изысканиях Л.В. Милова, настаивающего на его обогащении отечественной дореволюционной традицией. Не отрицая формационные представления об историческом процессе, он сетует на ограниченные возможности применения «всесильного» учения при анализе аграрных отношений в России. По мнению ученого, характерный для него вульгарный детерминизм, упирившийся в описания классовых борьбы и отражение процессов расслоения крестьянства, приводил к выпадению из поля зрения исследователей многих важных проблем, таких как технология крестьянского производства, повседневная жизнь жителей русской деревни, роль природно-климатического фактора и т.д. [6].

Марксистский призрак стоит и за спиной концептуально-методологического теоретизирования И.Д. Ковальченко, осуществленного в пост-советский период. Известный в прошлом марксистский методолог попытался обосновать новую модель объяснения исторического процесса, назвав свои рассуждения цивилизационным подходом. Однако признав линейность как основу исторического прогресса, ученый не смог вписаться в классическую модель цивилизационной теории, основывающейся на идее цикличности, и, по нашему мнению, сохранил методологическую близость с марксизмом, только завуалировав его новыми названиями этапов истории человечества (доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный, информационный) [4]. Фантомы марксизма, можно, на наш

взгляд, без особого труда обнаружить и в модернизационной модели осмысления мировой и российской истории, тесно связанной с цивилизационным подходом, но также не отрицающей линейно-стадиальный характер общественного развития [10; 19; 22].

Таким образом, марксистская методология как самостоятельная и эффективная система взглядов и способов познания, разъясняющая эволюционную сущность человеческого бытия, продолжает занимать видное место при всестороннем анализе проблем теоретического осмысления мировой истории. Более того, элементы формационной составляющей достаточно зримо проявляются и в научных конструкциях современных исторических моделей, показывая ее методологическую ценность и склонность к концептуальному диалогу [12]. Это доказывает высокий научный потенциал марксистского подхода в понимании исторического процесса, его способность к интеграции, совершенствованию и развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М.: Политиздат, 1987. 310 с.
2. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М.: Искусство, 1989. 366 с.
3. Историческая наука и некоторые проблемы современности. М.: Наука, 1969. 428 с.
4. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
5. Козлов В.А. Российская история. Обзор идей и концепций, 1992–1995 годы // Свободная мысль. 1996. № 4. С. 104–120.
6. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
7. Могильницкий Б.Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 9–10.
8. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX в.: курс лекций. Вып. I: Кризис историзма; Вып. II: Становление «новой исторической науки». Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. 178 с.
9. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. 1783–2883. М.: Мысль, 1986. 341 с.
10. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 237 с.
11. Проскуракова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.
12. Рамазанов С.П. Проблема ценности в зарубежной и отечественной марксистской методологии истории: конфронтация или поиск диалога // Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. статей. Вып. 28. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 78–82.
13. Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М.: Терра, 1992. 400 с.
14. Роговин В.З. Власть и оппозиции (1928–1933 гг.). М.: Тов-во «Журн. «Театр», 1993. 398 с.
15. Роговин В.З. Сталинский неонэп. М.: Б. И., 1994. 382 с.
16. Роговин В.З. Главный враг Сталина: как был убит Троцкий. М.: Алгоритм, 2017. 239 с.
17. Селунская Н.Б. Методическое знание и профессионализм историка // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 24–41.
18. Семёнов Ю.И. Великая октябрьская рабоче-крестьянская Революция 1917 г. и возникновение неополитаризма в СССР (Россия: что с ней случилось в XX веке) // Политарный (азиатский) способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М., 2008. С. 149–235.
19. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М.: КДУ, 2003. 749 с.

20. *Симония Н.А.* Что мы построили? М.: Прогресс, 1991. 432 с.
21. *Согрин В.В.* История исторической мысли XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 153–159.
22. *Сперанский А.В.* Модернизация в России: перекресток мнений // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. С. 27–39.
23. *Философские проблемы исторической науки.* М.: Наука, 1969. 320 с.
24. *Iggers G.* *Historiography in the Twentieth Century: From Scientific Objectivity to Postmodern Challenge.* NewHaven:Wesleyan University Press, 1997. 182 p.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ РЕКОМЕНДУЕТ СТАТЬЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Герасимов Григорий Иванович, доктор исторических наук, доцент; научный консультант Тульского государственного музея оружия (специальность 07.00.02)